

Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма» 1948–1953 гг.: мобилизационные возможности системы или тупик лагерной экономики?

Аннотация: В конце 1940-х – начале 1950-х гг. согласно планам сталинского руководства в СССР было развернуто строительство крупнейших гидротехнических сооружений, названных государственной пропагандой «великими стройками коммунизма». Большинство из них располагалось на Средней и Нижней Волге: Волго-Донской водный путь, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции. Строительство этих объектов было передано в систему ГУЛАГа. «Великие стройки» можно рассматривать как определенную витрину лагерной экономики послевоенного периода. Здесь происходил массовый перевод бывших заключенных, получивших освобождение, в статус вольнонаемных работников, которых по-прежнему ограничивали в свободном выборе, насильственно «закрепляя» за гулаговскими стройками. Здесь сталинское руководство пыталось через возвращение отмененных ранее инструментов мотивации труда заключенных (зарплата, зачеты рабочих дней) придать дополнительный импульс лагерной системе. В качестве объекта для анализа автором выбраны трудовые ресурсы МВД в Поволжье на гидротехническом строительстве. Корпус источников составили в первую очередь материалы архивных фондов Министерства внутренних дел СССР, его лагерно-производственных структур. Поскольку значительная часть документов лагерных управлений в регионах до сих пор находится на ведомственном хранении и недоступна для исследователей (например, материалы по Кунеевскому ИТЛ и Ахтубинскому ИТЛ), имеющиеся данные дополнялись фондами областных партийных комитетов, а также политотделов лагерей и строек МВД. Разбирается вопрос, какие внутренние противоречия сделали в конечном итоге невозможным выполнение ГУЛАГом функции экономического агента. Делается вывод о том, можно ли говорить о проблемах послевоенной лагерной экономики как о наглядном свидетельстве того, что система зашла в тупик. В статье анализируются, насколько трудовые ресурсы, которыми располагала лагерная экономика, отражали ее мобилизационные возможности. Дается ответ на вопрос, можно ли говорить о мобилизационных преимуществах ГУЛАГа в решении хозяйственных задач в конце 1940-х – начале 1950-х гг., учитывая, что после смерти Сталина начался стремительный распад лагерно-производственного комплекса.

Ключевые слова: МВД, заключенные, ГУЛАГ, лагерно-производственный комплекс, великие стройки коммунизма, исправительно-трудовой лагерь, Волгодонстрой, Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой, Поволжье.

Annotation: At the end of the 1940s – beginning of the 1950s according to the Stalinist direction plans the USSR developed the construction of large hydrotechnical structures, named by the state propaganda as the “great constructions of communism”. Many of them were located at the Middle and Lower Volga: the Volga-Don water canal, the Kuybyshev and Stalingrad hydroelectric power stations. The construction of these units was given to the GULAG system. The “great constructions” can be seen as a certain display of camp economy of the post-war period. It was there that was conducted a mass transfer of former prisoners, who received release in the status of civilian workers, but were still limited in their freedom of choice, forcibly “attached” to the GULAG constructions. There the Stalinist direction tried to restore the earlier abrogated instruments of prisoner labour motivation (wages, count of work days), giving additional impulse to the camp system. The article analyses how much the labour resources disposed by the camp economy reflected its mobilisation capacities. The author answers the question of whether one can speak of GULAG mobilisation benefits in the resolution of the economic problems at the end of the 1940s – beginning of the 1950s, considering the rapid disintegration of the camp-production complex begun after the death of Stalin. The author further investigates the question of what internal contradictions ultimately made it impossible for the GULAG to fulfil the functions of an economic agent. Finally, the article concludes whether the problems of the post-war camp economy can be considered as a vivid testament that the system came to a deadlock.

Key words: Ministry of Internal Affairs, prisoners, GULAG, camp-production complex, “great constructions of communism”, correction-labour camp, Volga-Don hydro station, Kuybyshev hydro station, Stalingrad hydro station, Volga region.

В качестве объекта для анализа автором выбраны трудовые ресурсы МВД в Поволжье на гидротехническом строительстве. Корпус источников составили в первую очередь материалы архивных фондов Министерства внутренних дел СССР, его лагерно-производственных структур. Поскольку значительная часть документов лагерных управлений в регионах до сих пор находится на ведомственном хранении и недоступна для исследователей (например, материалы по Кунеевскому ИТЛ и Ахтубинскому ИТЛ), имеющиеся данные дополнялись фондами областных партийных комитетов, а также политотделов лагерей и строек МВД.

Следует отметить, что историки рассматривали проблему под углом изучения как общих аспектов истории принудительного труда в СССР (Л. И. Бородин, Г. М. Иванова, О. В. Хлевнюк, А. К. Соколов и др.) [14, 17–66, 129–156; 55, 58–59], так и сюжетов, посвященных послевоенному ГУЛАГу, в системе которого находились «великие сталинские стройки» [44, 74–91]. Региональная историография, исследовавшая деятельность лагерных комплексов применительно к конкретным объектам гидротехнического строительства (Волго-Донскому каналу, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС), представлена работами Е. А. Тимоховой, Е. М. Глухой, Е. Ю. Свечниковой, Н. Н. Смирнова, Е. А. Бурдина [8; 47; 52, 52–57] и других. В западной литературе проблемы использования труда заключенных на сооружении каналов и гидроэлектростанций в СССР отражены в трудах немецкого историка К. Гествы [56, 239–267; 57].

Несмотря на то что в научной литературе проблема кризиса послевоенного ГУЛАГа является одной из ключевых, мы полагаем, что необходимы новые ракурсы для анализа лагерной экономики с точки зрения не только ее мобилизационного потенциала, но и тех системных противоречий, которые были заложены в ней изначально. В связи с этим оценка трудовых ресурсов МВД как хозяйственного агента в период позднего сталинизма позволит дать ответ на многие дискуссионные вопросы.

Очевидно, что, передавая «великие стройки коммунизма» в систему ГУЛАГа, Сталин был убежден в мобилизационных преимуществах системы принудительного труда. Именно поэтому крупнейшие производственные комбинаты, организованные для создания системы гидротехнических сооружений на Волге, являлись структурными подразделениями производ-

ственных главков МВД и распоряжались трудом десятков тысяч заключенных. 27 февраля 1948 г. Совет министров СССР выносит постановление № 480-183с за подписью Сталина «О строительстве Волго-Донского водного пути и комплексном использовании водных ресурсов Нижнего Дона». Строительством объекта занимался вновь созданный лагерный комплекс ИТЛ и строительства Волго-Донского водного пути (Волгодонстрой) [48, 104–105]. Согласно приказу МВД от 11 марта 1948 г. непосредственные работы по сооружению Волго-Донского водного пути возлагались на вновь созданное Управление строительства Волго-Донского соединительного канала (УС ВДСК, Волгодонстрой), находившееся в ведомственном подчинении Главгидростроя МВД СССР. В январе 1949 г. в связи с расширением географии строительства, ростом хозяйственных структур Волгодонстроя из его состава было образовано три управления. Управление ИТЛ и строительства Волго-Донского соединительного канала (УВДСК), в состав которого включался Калачевский ИТЛ (непосредственно работы по Волго-Донскому каналу в Сталинградской области), Управление строительства и ИТЛ Цимлянского гидроузла (Цимлянский ИТЛ в Ростовской области) и Управление ИТЛ и строительства оросительных сооружений (Марьинский ИТЛ в Ростовской области) [20, 104–105, 109].

Структура Волгодонстроя приобрела законченный вид с приказом по управлению от 27 мая 1949 г., когда производственные и лагерные подразделения были объединены. В ноябре этого же года Волго-Донское и Цимлянское управления подчиняются вновь созданному Главному управлению гидротехнического строительства Волго-Донского пути (ГГВДС МВД СССР, Главгидроволгодонстрой) [48, 106].

Для строительства гидроэлектростанций в Куйбышевской и Сталинградской областях в течение 1949–1950 гг. также были сформированы строительные управления и лагеря. 6 октября 1949 г. приказом министра внутренних дел С. Н. Круглова для работ по Куйбышевской ГЭС создавался лагерно-производственный комплекс: Управление ИТЛ и строительства Куйбышевской ГЭС (с 1951 г. – Куйбышевгидрострой), которому подчинялось Управление Кунеевского исправительно-трудового лагеря.

Создание строительного управления (Сталинградгидрострой) и исправительно-трудового лагеря для работ по Сталинградской ГЭС

было объявлено приказом МВД от 17 августа 1950 г. 9 сентября лагерь получил название Ахтубинский ИТЛ [12, 61].

Оба лагерно-производственных комплекса являлись структурными подразделениями Главгидроволгодонстроя МВД СССР, отвечавшего за управление всеми объектами гидротехнического строительства в лагерной экономике. В июле 1951 г. Куйбышевгидрострой был выведен из состава Главгидроволгодонстроя и стал самостоятельной ведомственной единицей в составе МВД.

В течение 1951–1952 гг. в лагеря Волгодонстроя поступили 60,8 тыс. новых узников. С мая 1949 г по октябрь 1951 г. трудовые ресурсы подневольной рабочей силы на строительстве Волго-Донского водного пути возросли в 3,2 раза – с 24,7 тыс. до 81 тыс. человек. В период завершения строительства в 1952 г. численность заключенных в лагерях на строительстве Волго-Донского канала и Цимлянской ГЭС достигла наивысшей отметки – 111 тыс. человек. Помимо заключенных на строительство канала направлялись военнопленные, большинство которых имели необходимые производственные навыки. В 1949 г. они были репатриированы и полностью заменены заключенными [27, л. 15].

В течение 1949–1953 гг. ГУЛАГ стягивал на строительство Куйбышевской ГЭС в Кунеевский ИТЛ дополнительные людские ресурсы. К концу 1950 г. там насчитывалось 15 775 заключенных, прибывших из разных пересыльных тюрем [7, л. 164]. С 1 января 1952 г. по 15 марта 1953 г. население Кунеевлага увеличилось в 1,8 раза – с 24 453 до 45 744 человек [7, л. 46].

Лагерное население Ахтубинского ИТЛ за период с 1 января 1950 г. по 1 января 1953 г. увеличилось в 5,2 раза – с 4 980 до 26 044 человек. В итоге общая численность работников, включая вольнонаемных, достигла в 1953 г. 57 856 человек [7, л. 46; 21, л. 34; 25, л. 5, 26, 49, 101, 138; 46, 151, 234].

Поскольку производственно-хозяйственные структуры МВД периодически получали право оставлять на своих объектах освобожденных заключенных, численность вольнонаемных на гулаговских стройках неуклонно увеличивалась. Это дает основание говорить об определенных структурных сдвигах в составе рабочей силы на объектах МВД. Если в начальный период строительства Сталинградской ГЭС из всех работников заключенные составляли 49%, то в 1952 г. – 43,7%. Из всех лагерно-про-

изводственных комплексов Поволжья Куйбышевгидрострой МВД располагал наибольшей долей заключенных в общем составе трудовых ресурсов. Однако и здесь она постепенно снижалась. На 1 января 1951 г. на производстве работало 93% заключенных, на 1 января 1952 г. – 80%. В 1953 г. в среднем за год этот показатель составил 67%. В то же время количество вольнонаемной рабочей силы в течение 1951–1953 гг. увеличилось в четыре раза. По данным исследователя Е. А. Бурдина, в период строительства Куйбышевской ГЭС (1949–1958 гг.) вольнонаемные составляли 33% от общей численности работников, то есть меньшинство, что в целом верно. Однако необходимо учитывать соотношение обеих категорий работников непосредственно в производственном секторе и в целом по комбинату с учетом обслуживающего персонала и охраны. Их соотношение применительно к каждому строительному управлению было различным. В Сталинградгидрострое вольнонаемных было больше половины. На объектах Волгодонстроя в среднем за период строительства соотношение вольнонаемных и заключенных было 1:4 в пользу последних, что дало основание историку Е. Свечниковой говорить о значительной роли вольнонаемного труда [45, 49]. Это выглядит достаточно спорным, учитывая тот факт, что на «спецконтингент» приходилось более 70% трудовых ресурсов Волгодонстроя. Кроме того, многие из вольнонаемных в недавнем прошлом были заключенными, освободившимися из лагерей и оставшимися на строительстве уже в статусе свободных тружеников. Однако исследователи смогли зафиксировать тенденцию, ставшую общей для всего ГУЛАГа.

Рост численности заключенных по замыслу руководства МВД должен был способствовать развороту массовых работ по основным объектам, однако это привело к недостатку управленческих кадров производственного и лагерного секторов, прежде всего на низовом уровне: в лагерных отделениях и участках, на строительных сооружениях. В течение 1950–1951 гг. в Куйбышевгидрострое и Сталинградгидрострое вакантными оставались такие руководящие должности, как начальники контор снабжения, заместители начальников районов по лагерю, главные инженеры районов, начальники отдельных лагерных пунктов и строительных участков [28, л. 40–41]. К концу 1950 г. центральный аппарат управления Сталинградгидростроя был недоукомплектован руководя-

щими сотрудниками и специалистами на 30%, а по низовым (линейным) подразделениям на местах – на 50% [34, л. 39]. Как отмечалось в отчете одного из строительных управлений Сталинградгидростроя, «лагерный аппарат на протяжении двух месяцев (январь–февраль 1952 г.) не справлялся с освоением почти удвоенного количества людей» [41, л. 112].

Исследователи, изучавшие историю принудительного труда на гидротехнических объектах, отмечают, что «великие стройки коммунизма» получали в качестве основной рабочей силы осужденных не за тяжкие уголовные преступления. Руководство ГУЛАГа имело установку не отправлять на такие объекты «политических» заключенных [12; 52]. Предполагалось, что таким образом будет решена проблема трудовой дисциплины и обеспечено соблюдение режима. Имеющаяся (хотя и неполная) статистика – например, по Кунеевскому ИТЛ Куйбышевгидростроя – показывает, что в мае 1951 г. самую большую группу составляли «указники», то есть осужденные по указам Президиума Верховного Совета. Из 17 тыс. узников 53% были те, которых осудили по указу от 4 июня 1947 г. за хищения государственного и общественного имущества. Осужденные за тяжкие уголовные преступления были в меньшинстве. Тех, которые отбывали наказание за умышленное убийство, насчитывалось около 1%. Осужденных по политическим статьям – менее 10%. Когда через год, в августе 1952 г., численность заключенных в Кунеевском ИТЛ почти удвоилась, достигнув 30 776 человек, соотношение этих групп не изменилось [24, л. 202]. Схожие показатели исследователи приводят по лагерям на строительстве Волго-Донского водного пути: по данным на 1948 г. и 1953 г., более 66% заключенных были осуждены по так называемым бытовым статьям. При этом 70% от этого количества составляли «указники», что в целом отражало общую ситуацию с ужесточением советского законодательства. После того как 4 июня 1947 г. вышел указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», население лагерей и колоний пополнилось осужденными по этой категории. К началу 1951 г. осужденные по указу от 4 июня 1947 г. составили более половины населения ГУЛАГа [45, 55].

Сопоставление данных по составу заключенных на «стройках коммунизма» с показателями по лагерям в послевоенный период, где ко-

личество осужденных в 1950–1953 гг. за «контрреволюционные преступления» колебалось в пределах 22,7–31%, свидетельствует о приоритете гидротехнических строек Поволжья в комплектовании трудовыми ресурсами ГУЛАГа [20, 11]. В то время как, например, северные лагеря служили местом ссылки и изоляции «уголовного» элемента.

Небольшие группы «опасного контингента» изолировались в зонах особого режима. Однако проблемы трудовой дисциплины и задачи обеспечения режимных условий вынуждали руководство лагерно-производственных комплексов отказываться от таких осужденных. Начальник Куйбышевгидростроя И. Комзин в письме министру внутренних дел С. Н. Круглову в сентябре 1951 г. просил запретить содержание на строительстве Куйбышевского гидроузла «контингента строгого режима» в количестве 1 тыс. человек. МВД планировало использовать их на каменном карьере, в то время как данный карьер «оснащен дорогостоящим и технически сложным оборудованием» [25, л. 162]. Таким образом, принцип исполнения наказаний, составлявший стержень любой пенитенциарной системы, в сталинском ГУЛАГе не сочетался с производственными задачами. С требованиями технического прогресса репрессивная система была несовместима.

Многочисленные факты использования имевших высокую квалификацию заключенных на подсобных работах свидетельствуют о переизбытке «контингентов» ГУЛАГа. Они указывают также и на то, что необходимые в строительстве навыки у части узников не были востребованы в условиях карательной системы, больше ориентированной на ручной труд, который легче контролировать. Нерациональность лагерной экономики проявлялась в том, что численность подневольных работников явно превышала потребности «строек коммунизма», что признавали руководящие работники строительных организаций МВД [49, л. 33]. В Ахтубинском ИТЛ в апреле 1951 г. более половины всех заключенных имели специальность и квалификацию, однако свыше 1 тыс. узников использовались на общих работах, в том числе и несколько десятков инженеров [8, л. 207]. Несмотря на это, руководство Сталинградгидростроя продолжало требовать у ГУЛАГа дополнительные контингенты [8, л. 254]. Поскольку обеспечить строительство квалифицированной рабочей силой за счет заключенных лагерей и колоний в мас-

совом порядке было невозможно, в Сталинградгидрострой свозили всех тех, которые хотя бы по физическим характеристикам были годны к тяжелому труду и не были осуждены за тяжкие уголовные преступления. В результате возникала вполне стандартная для гулаговскихстроек ситуация: быстрая концентрация подневольной и неквалифицированной рабочей силы становилась причиной низкой производительности труда [35, л. 12]. Производственные подразделения, где требовались рабочие определенных профессий, не нуждались в массовом завозе заключенных на свои площадки, поскольку не могли их обучить. Имелись случаи, когда начальники лагерных отделений напрямую обращались к руководству гидроузлов с просьбой не завозить заключенных в большом количестве, поскольку их все равно невозможно обеспечить необходимой работой. Сталкиваясь на практике с реалиями лагерной экономики, представители низовых производственных подразделений просили руководство лагерей более профессионально подходить к кадровой политике, по возможности заменяя заключенных вольнонаемными специалистами и рабочими [35, л. 160–161].

Результаты распределения рабочей силы в системе МВД дают основания говорить о том, что в конечном итоге послевоенный ГУЛАГ как любое хозяйственное ведомство нуждался в квалифицированных кадрах, особенно в строительной индустрии. При этом МВД втягивалось в конкуренцию за вольнонаемные трудовые ресурсы с другими министерствами. Если хозяйственные организации гражданских ведомств проявляли интерес к подневольному труду, стараясь укомплектовать заключенными подсобно-вспомогательные производства, то лагерные структуры нуждались в подготовленных кадрах по конкретным специальностям.

Потребность ГУЛАГа в вольнонаемных кадрах обуславливалась самой ролью карательной системы в советской экономике, расширением масштаба производственной деятельности лагерей. На 1 июля 1950 г. в системе МВД работали более 62 609 дипломированных специалистов, из которых почти половина имела высшее образование. Часть работников инженерно-технических специальностей производственные главки МВД получали по плану межведомственного распределения. Однако этого было недостаточно, учитывая, что в начале 1950-х гг. в систему органов внутренних дел были переданы целые отрасли (слядяная, асбестовая, апатитовая про-

мышленность). Увеличились объемы промышленного строительства, в том числе на таких объектах, как Куйбышевская и Сталинградская ГЭС. Согласно записке министра внутренних дел С. Н. Круглова на имя заместителя председателя правительства Л. П. Берии в 1950–1951 гг. МВД требовалось с учетом увеличения производственной программы 25 820 специалистов, 11 687 из которых должны были составлять работники с высшим образованием. В первую очередь это касалось «строек коммунизма». Как и другие объекты лагерной экономики, они могли рассчитывать на целевое направление вольнонаемных специалистов, которое санкционировалось правительственными решениями. Непосредственным исполнителем данных директив на центральном уровне выступало Управление учета и распределения рабочей силы Госплана СССР. В то же время в очереди на получение квалифицированных кадров стояли и другие ведомства, что ставило Госплан в затруднительное положение, приводило к затягиванию вопроса и разбирательствам с МВД.

Выполняя московские директивы на низовом уровне, лагерно-производственным комплексам содействовали региональные партийные власти. На строительстве Волго-Донского канала, Куйбышевской ГЭС в систему МВД из близлежащих регионов направлялись квалифицированные рабочие, инженерно-технические специалисты с опытом работы, выпускники технических вузов [19, л. 1, 37]. Кроме того, местные власти проводили мобилизацию населения на вспомогательные работы.

Судя по имеющимся материалам центральных и региональных структур МВД, потребности в квалифицированных кадрах хозяйственными подразделениями министерства могли завывшаться. Руководители строек старались обеспечить себя рабочей силой «впрок», чтобы не иметь проблем в период активных работ на объектах [12, 64–65]. Как следствие возникали сложности с трудоустройством по специальности уже прибывших подневольных строителей. Например, после того как по заявкам Сталинградгидростроя ГУЛАГ направил в 1951 г. туда группу инженерно-технических специалистов из заключенных, половина их были трудоустроены как разнорабочие [8, л. 41–42].

Привлечение вольнонаемных кадров закономерно подрывало мобилизационные преимущества, присущие лагерной системе. И квалифицированных специалистов, и разнорабочих

МВД не могло использовать по своему усмотрению, перебрасывая с объекта на объект. Об этом руководители МВД говорили достаточно откровенно. Инженер Куйбышевгидростроя Н. Ф. Шапошников, выступая на второй партконференции строительства в декабре 1951 г., отмечал: «Нужно правильно использовать всех заключенных специалистов, так как у нас нет возможности принимать вольнонаемный состав. Мы не можем принимать ни одного человека, если не дадим ему жилплощади» [30, л. 122]. Во многом именно поэтому текучесть среди вольнонаемных кадров в системе МВД была высокой. Например, по состоянию на IV квартал 1951 г. 68% работающих на производстве в МВД имели стаж непрерывной работы 4 года и менее, а 23% – менее 1 года [36, л. 73].

В целом доля всех вольнонаемных работников системы МВД в послевоенной экономике возрастала. По данным историка Г. М. Ивановой, в конце 1944 г. «в НКВД насчитывалось 37 тыс. вольнонаемных специалистов с высшим и средним специальным образованием. К концу 1954 г. в МВД работали уже 60 тыс. специалистов, из них 28 тыс. с высшим и 32 тыс. со средним специальным образованием. В основном это были инженеры и техники различных отраслей промышленности и транспорта, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, юристы, экономисты, работники просвещения. Именно они считались главными исполнителями тех грандиозных задач, которые правительство ставило перед министерством» [17, 340]. К концу 1951 г. общая численность вольнонаемных работников в производственном секторе МВД достигла 542 тыс. человек, или 28,5% общего числа.

Тенденция к росту числа вольнонаемных кадров в ГУЛАГе продолжалась вплоть до изъятия из системы МВД экономических функций в марте 1953 г., что было связано с расширением масштабов промышленного производства и строительства. В 1952 г. удельный вес вольнонаемных в общей численности трудовых ресурсов МВД увеличился до 38,6% [23, л. 72]. Очевидно, что вовлечение лагерной системы в производственные процессы приводило к изменениям, ускорившим распад ГУЛАГа, который не мог превратиться в простую хозяйственную организацию и при этом сохранять карательную сущность в неизменном виде. Обращение к стенограммам совещаний руководства МВД показывает: у представителей этого учреждения имелись серьезные опасения относительно того, что развитие

лагерной системы доходит до самоотрицания. Министр внутренних дел С. Н. Круглов довольно скептически высказался по поводу исправительного характера и высоких хозяйственных задач ГУЛАГа, о которых неоднократно сам же писал в отчетах Сталину и другим представителям высшей партийно-государственной элиты. В марте 1946 г. на совещании начальников политотделов лагерей, строек и территориальных управлений органов внутренних дел глава МВД признал тот факт, что расширение участия вольнонаемных кадров, востребованность которых ГУЛАГ ощущал все острее, в лагерной экономике несовместимо с принципом существования системы мест заключения [9, л. 24–25].

В отчетах руководителей производственных подразделений МВД регулярно приводился достаточно подробный разбор системы организации использования принудительного труда [37, л. 211]. Но это не означало, что система не давала сбоев, иначе проблема рационального использования людских и материальных ресурсов не поднималась бы так часто в приказах по МВД, ведомственной переписке, на собраниях партийного актива лагерей.

Как свидетельствуют данные, представляемые руководством «великих строек коммунизма», план по трудоустройству заключенных не выполнялся в силу организационных причин. Лагерные отделения только строились, отсутствовала необходимая транспортная инфраструктура для нормальной доставки строительных материалов, инструментов и механизмов. В таких условиях требования из Москвы о том, что лагеря обязаны задействовать в производственном секторе 85% от всего контингента заключенных, не могли быть реализованы. Об этом, например, свидетельствуют итоговые показатели по труду за 1950 г. в Кунеевском ИТЛ Куйбышевгидростроя и Калачевском ИТЛ Управления строительства Волго-Донского соединительного канала [24, л. 168].

Концентрируя рабочую силу на ударных объектах, руководство МВД организовывало лагерь при любых погодных условиях. При выполнении поставленных директив человеческий фактор не учитывался. Представитель лагерной администрации 3-го лагерного участка Ахтубинского ИТЛ Сталинградгидростроя МВД СССР на первой конференции строительства в феврале 1951 г. отмечал по этому поводу: «Быть может, я отвлеку ваше внимание, но это необходимо для того, чтобы подобных экспериментов не по-

вторять нигде. <...> ОЛП № 3 был организован 24 ноября 1950 г. Люди были приведены просто за проволоку. Света не было, кухонного очага не было, палаток тоже не было. Были только ямы для уборных. Самих уборных тоже не было. В декабре 1950 г. в связи с распутицей встали все автомашины, и не на чем людям подвезти воды. Люди не пили сутки, оставлять их без воды – это значит создавать массовое недовольство или даже бунт. Если вам все рассказать, то скажете, что это анекдот, а это не анекдот, а самая настоящая правда» [32, л. 55].

Чтобы выполнить производственную программу, низкую производительность труда компенсировали количеством заключенных. Представитель лагерного аппарата Сталинградгидростроя по этому поводу заметил на одном из совещаний партактива: «Вместо того чтобы завозить 300–400 человек, чтобы правильно использовать этот контингент, туда завозят 600–700 человек. Ясно: где мог работать один, туда ставят пять человек. О производительности труда не может быть и речи» [32, л. 123].

Стремясь достичь самокупаемости лагерей и максимально использовать труд заключенных, руководство МВД регулярно требовало от своих производственных главков сократить потери рабочего времени на подведомственных объектах. Оценивая результаты работы за 1950 г., представители планового отдела МВД обращали внимание министра С. Н. Круглова на то, что ряд крупнейших главков МВД (Главпромстрой, Главгидроволгодонстрой, Дальстрой) не выполняет директив по использованию рабочей силы. Традиционные факторы, умножавшие потери, вновь заставляли московское начальство высказывать замечания своим подчиненным относительно планирования и организации труда. Все эти недостатки в информационно-отчетных документах чиновники МВД относили на счет лагерной администрации, по вине которой за 9 месяцев 1950 г. потери рабочего времени составили по всем хозяйственным подразделениям министерства (в том числе на гидротехнических стройках Поволжья) 11,8 млн человеко-дней, что было равносильно невыходу на работу 49 тыс. человек [23, л. 75].

На «великих стройках коммунизма» на начальном этапе строительства выработка была ниже, чем в среднем по всему хозяйственному комплексу МВД. Такие показатели можно объяснить тем, что 1950–1952 гг. стали подготовительным периодом строительства, который был свя-

зан со сложным процессом организации строительных управлений и лагерей при них, с формированием их материально-производственной базы, с перемещением на вновь организованные объекты трудовых ресурсов. Например, в Ахтубинском ИТЛ состав заключенных изменился в течение 1952 г. на 30%. А это, в свою очередь, создавало трудности с организацией строительных бригад и их обучением [38, л. 35]. В условиях отсутствия необходимой инфраструктуры отдача от трудовых усилий как вольнонаемных, так и заключенных была ниже, чем в основной период строительства [10, л. 24].

В то же время доступные материалы лагерных управлений гидротехническихстроек МВД дают основания считать, что ситуация несколько выправилась по мере преодоления организационного периода, связанного с созданием социально-бытовой, производственной и транспортной инфраструктур, завершением комплектования рабочими и управленческими кадрами. Если по Ахтубинскому ИТЛ к концу 1950 г. на производство выводилось 78% заключенных, то в июле 1951 г. согласно материалам проверки, организованной ГУЛАГом, этот показатель достиг 83,6% [8, л. 286].

Производительность труда вольнонаемных рабочих была существенно выше, если учитывать и мотивацию, и лучшую подготовку. Согласно данным за январь–апрель 1950 г. 47% заключенных Главгидроволгодонстроя норм не выполняли, в то время как среди вольнонаемных таковых было 13% [5, л. 4]. Однако на завершающем этапе строительства Волго-Донского водного пути производительность труда была стабильно высокой, превышались плановые показатели, а численность заключенных, не выработывавших установленные нормы, снизилась в два раза. В целом за 1951 г. согласно бухгалтерской отчетности только 17% заключенных на строительстве Волго-Донского соединительного канала не справлялись с выполнением норм [39, л. 5]. К концу 1950 г. организационный кризис был преодолен и в Кунеевском ИТЛ [24, л. 104]. По всей видимости, временный эффект был получен путем введением заработной платы и системы досрочного освобождения по зачетам рабочих [14, 129–156; 2, 235–337; 4, 177–233; 15, 163–171].

Не последнюю роль в повышении производительности труда сыграли развертывание системы производственного обучения, а также комплектование гулаговскихстроек специ-

алистами из других организаций, выпускниками технических высших и средних учебных заведений [54, л. 66]. На строительстве Волго-Донского канала подготовка рабочих массовых профессий и специалистов велась в специальном учебном комбинате [40, л. 12]. В течение 1949–1950 гг. для Волгодонстроя было подготовлено с отрывом от производства около 11 тыс. человек по 40 профессиям. Без отрыва от производства (индивидуально-бригадным обучением) подготовку прошли 23 тыс. человек, в основном по специальностям плотников, каменщиков, штукатуров, бетонщиков [50, л. 5].

В соответствии с постановлением Совета министров от 1 января 1951 г. для Куйбышевгидростроя МВД было организовано вечернее отделение Куйбышевского индустриального института, а для Сталинградгидростроя – вечернее отделение Саратовского автомобильно-дорожного института. Через полгода после выхода приказа МВД от 15 мая 1951 г. с целью подготовки инженерно-технических работников в Сталинградской и Куйбышевской областях были открыты три техникума на 800 человек. В период с 1951 по 1958 г. Ставропольский техникум выпустил для Куйбышевгидростроя 526 техников, а филиал Куйбышевского индустриального института – 268 инженеров. Кроме того, для подготовки рабочих востребованных специальностей и повышения их квалификации в 1950 г. при Куйбышевгидрострое МВД был открыт учебный комбинат, где в течение года 1125 заключенных овладели массовыми строительными специальностями [31, л. 113]. В течение 1951–1958 гг. квалификацию шоферов, крановщиков, сварщиков, электриков и трактористов на комбинате получили почти 7 тыс. человек. Ведомственная статистика обращала особое внимание на подготовку прежде всего вольнонаемного состава строительства. На Куйбышевгидрострое массовым строительным специальностям обучали в ученических бригадах и на курсах повышения квалификации со сроком подготовки от 1 до 3 месяцев.

Подготовка вольнонаемных кадров на Сталинградгидрострое проводилась через центральный учебный комбинат, учебные пункты, производственно-технические курсы. В течение 1952 г. там было подготовлено с отрывом от производства более 1 367 рабочих механизаторских профессий (шоферов, экскаваторщиков, трактористов и др.), а без отрыва от производства строительные специальности получили 7,5 тыс.

вольнонаемных работников и заключенных [52, л. 37–38].

Помимо подготовки новых кадров при гидростроительных организациях МВД было организовано повышение квалификации работников (технические курсы, стахановские школы, курсы вторых профессий и т. д.).

Однако имеющиеся в распоряжении руководства лагерных управлений и строительных кадров использовались во многом неэффективно. Как свидетельствуют документы, отчеты, докладные записки и внутриведомственная переписка, хозяйственные подразделения МВД наибольшие проблемы испытывали с организацией труда и созданием минимальных условий для жизни как заключенных, так и вольнонаемных. Проблема заключалась не в способности МВД концентрировать и мобильно перебрасывать людские и материальные ресурсы, а в возможности их использования в экономике (причем не столько эффективным, сколько вообще с точки зрения включения в производственный процесс). Даже элементарное отсутствие простейшего строительного инструмента, без которого невозможно было начать работу, могло стать серьезным препятствием.

Использование в массовом порядке заключенных на хозяйственных объектах МВД вступало в противоречие с требованиями режима. Переписка между различными уровнями ведомственной вертикали системы МВД показывает, что реализовывать возложенные на них производственные функции руководство лагерей могло только в ущерб другой задаче ГУЛАГа – изоляции осужденных. По словам начальника политотдела Волгодонстроя, выступавшего на первой партконференции строительства, в 1948 г. требования режима и изоляции в лагерях не соблюдались: «Имеется большое количество нарушений порядка, проявление групповых бандитских действий, совершение групповых побегов. Бандитствующий элемент терроризирует остальных заключенных. Особо опасный элемент не изолирован. Отсутствует контроль за расконвоированными заключенными, которые имеют контакт с местным населением, расхищают вещевое довольствие, имеют нелегальную переписку» [28, л. 20, 22; 51, л. 17]. Неудовлетворительное состояние режима в лагерях Волгодонстроя отмечал и начальник оперативной службы Решетников: «В течение 1948 г. вследствие отсутствия должного внимания и ответственности со стороны начальни-

ков районов и лагерных участков мы допустили 90 побегов заключенных, из них 35 человек не задержаны» [29, л. 3]. Иллюстрацией того, что в лагерях соблюдение условий режима и изоляции не сочеталось с хозяйственными задачами, служит тот факт, что на Волгодонстрое требовалось держать расконвоированными более 7 тыс. заключенных. При этом в лагерной администрации признавали, что не имеют возможности обеспечить должный контроль над ними. Начальники районов и участков, возглавлявшие и производственный, и лагерный секторы, были загружены текущими делами, связанными со строительством, поэтому не могли уделять внимание лагерям [39, л. 24–25].

Анализ материалов инспекционных проверок МВД показывает, что хозяйственные задачи, которые реализовывало руководство лагерно-производственных комплексов, могли заслонять вопросы безопасности, соблюдения и без того скромных бытовых стандартов содержания узников [11, л. 68]. В течение 1950–1953 гг. инспектора из Москвы неоднократно проверяли состояние лагерей гидротехнических строек МВД в Поволжье (состояние жилья, коммунально-бытовых служб, ход лагерного строительства, обеспечение режима и безопасности) и практически повсеместно фиксировали нарушения в условиях содержания заключенных. Норма обеспечения жильем в лагерях не выдерживалась, составляя в отдельных случаях менее 1 квадратного метра на человека – вместо 2 квадратных метров по гулаговскому стандарту. По этой причине заключенных содержали в общих бараках вне зависимости от тяжести совершенного преступления. В результате этого уголовники терроризировали основную массу осужденных. Нехватка жилья и отсутствие контроля со стороны администрации создавали условия для контактов между мужчинами и женщинами из числа заключенных [24, л. 103–104; 43, л. 37].

Наличие таких фактов служило подтверждением не только объективных причин, связанных с «кризисом роста» в период организации очередного лагерного комплекса, но и отсутствия должной мотивации у представителей лагерных служб и производственного сектора. На местном уровне структуры МВД могли вполне сознательно исказить или «придерживать» информацию о негативных проявлениях, связанных с трудовой дисциплиной, ростом преступности, хозяйственными злоупотреблениями и т. д. Например, незадолго до очередной про-

верки, которую проводила в мае 1951 г. комиссия во главе с заместителем начальника ГУЛАГа генерал-лейтенантом А. Кобуловым, выявившая массу нарушений по Кунеевскому ИТЛ, начальник Куйбышевгидростроя И. Комзин и его заместитель Семенов рапортовали в Москву о высокой эффективности принятых ими мер по наведению порядка в лагерях строительства. После всплеска преступности в Кунеевском ИТЛ осенью 1952 г. и серии убийств, жертвами которых стали и представители низового лагерного аппарата, выяснилось, что руководство Куйбышевгидростроя долгое время не направляло в министерство информацию о чрезвычайных происшествиях в лагерях. Глава МВД С. Н. Круглов вынужден был предупредить Комзина, его заместителя по лагерю Афанасьева, начальника режимно-оперативного отдела Зателепина о неминуемом «строгом наказании» за неисполнение приказов министерства [7, л. 91–92]. Постоянные призывы из Москвы соблюдать «установленные нормы и правила» режима изоляции и содержания осужденных [7, л. 88–89] со стандартным набором предупреждений о персональной ответственности виновных свидетельствовали об отсутствии у нижестоящих исполнителей устойчивых стимулов для выполнения таких директив, учитывая хотя бы тот факт, что их же (исполнителей) не освобождали от ответственности по выполнению задачи обеспечить самокупаемость лагерей. Объясняя этот феномен, Л. И. Бородкин предложил весьма продуктивный, на наш взгляд, подход к анализу подобных сбоев в функционировании системы принудительного труда с точки зрения теории «принципал-агент». Как полагает историк, отношения «принципала» (высшее руководство страны и органов внутренних дел) и «агента» (лагерной администрации на местах) отражали конфликт интересов. Так, например, если «центр» был заинтересован в поддержании заключенных в нормальной физической форме, позволявшей в полной мере использовать их труд, то лагерная администрация зачастую не проявляла такой заботы, игнорируя даже чисто прагматические соображения [3, 23–35].

Хозяйственные подразделения органов внутренних дел при выполнении производственных задач всегда стояли перед проблемой создания лагерной инфраструктуры, без которой невозможно было ожидать даже минимальной отдачи от принудительного труда. Документы свидетельствуют, что быстрое разрастание

лагерей в интересах создания новых объектов сталинской индустриализации, наполнение их новыми «контингентами» в короткие сроки ослабляло режимные механизмы и разрушало принцип, характерный для пенитенциарной системы любого государства, – принцип изоляции.

В конкретной ситуации требования к режиму или к соблюдению минимальных бытовых стандартов могли превалировать над производственными задачами, если для использования принудительного труда у руководства лагерных подразделений не было технических и кадровых возможностей. В том же Кунеевском ИТЛ первоначально размещение заключенных проводили исходя не из потребностей производства, а из наличия необходимых помещений. В результате в июне 1950 г. из 3 825 заключенных, выделенных для работы на объектах Куйбышевской ГЭС, в среднем ежедневно не работали 1 270 человек [24, л. 205].

Поскольку кадровое обеспечение надзорных, карательных служб зачастую не поспевало за ростом лагерного населения, расширение лагерных комплексов сопровождали преступные действия определенной категории заключенных, а также случаи неповиновения лагерной администрации, что тоже могло трактоваться как уголовное преступление.

Согласно докладу начальника политотдела Сталинградгидростроя МВД по итогам 1952 г. только в третьем квартале были зафиксированы 1 795 нарушений лагерного режима, три организованных неповиновения заключенных лагерной администрации и массовые беспорядки, сопровождавшиеся человеческими жертвами [6, л. 62]. На собрании партийного актива в феврале 1953 г. один из сотрудников лагерного аппарата Сталинградгидростроя, проверяя состояние лагерных подразделений Ахтубинского ИТЛ, отмечал: «Как члену комиссии, мне пришлось побывать в ЛО-15. Ездили, установили, что раньше мая сдать спецподразделения нельзя, хотя срок был в марте 1952 г. То есть опаздывают на год и месяц. Вот в результате такой неподготовленности имеем шесть бунтов. Если бы все вовремя построили, то вражды заключенных не было бы. Это просто возмутительно. Примеров такого варварского отношения к заключенным можно привести много» [33, л. 48–49]. По словам начальника политотдела ГУЛАГа М. А. Запевалина, присутствовавшего на партконференции Куйбышевгидростроя в 1950 г., «мало заботятся о вольнонаемном составе, особенно молодых, их

предоставляют самим себе, они попадают под влияние заключенных. А наша задача – их чекизировать» [30, л. 47].

Проблемы с обеспечением безопасности в лагерях привели к серии проверок, инициированных центральным аппаратом МВД в течение 1950–1952 гг. [11, л. 68]. Состояние лагерей и организацию строительства на объектах Главгидроволгодонстроя проверяла комиссия во главе с заместителем министра внутренних дел И. А. Серовым [39, л. 17–18]. В ходе проверки были выявлены многочисленные нарушения режима содержания заключенных, злоупотребления лагерного аппарата, неудовлетворительное использование производственных рабочих, низкий уровень контроля. Перечень нарушений и замечаний, предъявленных проверяющими комиссиями руководству лагерей, свидетельствовал о серьезных проблемах с трудовой мотивацией не только у заключенных, но и у вольнонаемного инженерно-технического и лагерного персонала. Последний зачастую полностью устранялся от руководства, доверяя его стрелкам охраны и низовым производственным руководителям из самих заключенных [11, л. 67]. В ходе инспекции работы гидростроительных организаций в 1951 г. выявлялись старые организационные проблемы. В Куйбышевгидрострое прорабы не выдавали бригадам заключенных наряды на выполнение работ, поэтому отсутствовал какой-либо учет по результатам их труда. Нормировщики, занимавшиеся оформлением нарядов, в зависимости от ситуации завышали или занижали нормы выработки или расценки.

Руководящий состав строительных управлений и лагерей, в первую очередь на низовом уровне, не имел профессиональной мотивации. Обслуживающий персонал, охрана стремились минимизировать свои трудовые усилия [31, л. 15, 28–29; 37, л. 207–208]. Специалисты производственного сектора МВД явно тяготились своим положением, которое вынуждало их иметь дело с заключенными. Это ставило их в менее благоприятные условия, чем инженерно-технических руководителей гражданских организаций вне системы ГУЛАГа. Многие осознавали бесперспективность применения метода трудового перевоспитания рецидивистов, недоумевая по поводу того, в чем смысл их пребывания в производственных лагерях. По словам одного из представителей лагерной администрации Ахтубинского ИТЛ, сказанным на партийном собрании, «министр (С. Н. Круглов. – А. З.) тре-

бует от инженерно-технических работников выступать перед заключенными, воспитывать их, чтобы они вышли с трудовыми навыками. А кто выступает? Никто. Совершенно никто не выступает, и не хотят выступать» [33, л. 49]. На первой партконференции Сталинградгидростроя в феврале 1951 г. начальник лагерного участка сетовал на тупиковую ситуацию с трудовой дисциплиной заключенных: «ОЛП-2 заслал ко мне очень много уголовного преступного элемента. Все заключенные вопят благим матом. Если мне не помогут убрать преступный элемент, то выстроенный изолятор не поможет. Я должен сказать, что эта сила в лице уголовного элемента помогает не нам, она помогает Черчиллю и Трумэну» [32, л. 57]. На одном из совещаний руководитель Главгидроволгодонстроя Я. Д. Раппопорт так отреагировал на жалобы инженеров в отношении заключенных: «Вы привыкли работать с военнопленными, ни охраны, ни забот с обмундированием, питанием у вас не было. По известным вам причинам этот контингент был заменен на обычный, который работает на наших стройках, – на заключенных. И вы растерялись. Вы сами “взвыли” к партактиву, что вам прислали бандитствующий элемент. Но где же тогда он должен находиться, как не в лагере? У нас не институт благородных девиц, не детский сад, а лагерь, которым вы призваны командовать. Нельзя забывать, что вы – начальники лагерей, и в то же время вы – строители, поэтому свои обязанности начальника лагеря передавать не имеете права» [27, л. 28–29].

Анализ процессов, связанных с изменениями в трудовых ресурсах послевоенного ГУЛАГа, на примере «великих сталинскихстроек», их использования в производственном процессе, оценок ситуации, сложившейся в лагерной экономике, руководством МВД и администрацией лагерно-производственных комплексов подводит нас к ответу на ключевой вопрос: обладала

ли карательная система в послевоенный период мобилизационными возможностями для реализации масштабных хозяйственных задач? Полагаем, что нет. По крайней мере применительно к периоду конца 1940-х – началу 1950-х гг. Стремительный крах лагерной экономики после смерти Сталина был обусловлен противоречиями, присущими карательной системе. Карательно-репрессивная функция входила в столкновение с принципом трудового перевоспитания заключенных. Функция обеспечения режима отторгала экономическую функцию, которая, в свою очередь, при устойчивых попытках советского руководства ее реализовать подрывала режимные требования к лагерной системе. Сама кадровая политика в ГУЛАГе отражала экстенсивный характер лагерной экономики, не способной создавать эффективно действующие стимулы для работы. Все более устойчивое стремление использовать вольнонаемные кадры, потребность в более сложной организации трудового процесса означали только одно: ГУЛАГ был не в состоянии выполнять хозяйственные задачи имеющимися средствами. Его, казалось бы, мобилизационные преимущества (быстрая концентрация трудовых ресурсов и их беспощадная эксплуатация при крайне низких стандартах жизни в местах заключения) оборачивались в свою противоположность. На рубеже 1940–1950-х гг. система зашла в тупик, и крах лагерно-производственного комплекса оказался неизбежен. В конечном итоге после демонтажа ГУЛАГа «великие стройки коммунизма» в Поволжье (Куйбышевская и Сталинградская ГЭС) были завершены гражданскими строительными организациями, выполнившими основной объем работ без масштабного использования заключенных. Таким образом, советское руководство своими действиями опровергло тезис о преимуществах лагерной экономики в сфере капитального строительства.

Библиография:

1. Бурдин Е. А. Кунеевский ИТЛ: проблемы использования принудительного труда на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1949–1958 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 167–181.
2. Бородкин Л. И. «Серьезный стимул для работы»: труд в послевоенном ГУЛАГе // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: Сб. трудов Международной научной конференции. Москва. 24–25 ноября 2004 г. М.: Издательство Московского университета, 2006. С. 235–337.
3. Бородкин Л. И. «Вертикаль» управления ГУЛАГом: проблема «принципал–агент» // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. Материалы международной научной конференции. Москва. 28–29 октября 2011 г. М.: РОССПЭН, 2013. С. 19–36.
4. Бородкин Л. И., Эрц С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х – начало 50-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 177–233.
5. Волгоградский (Сталинградский) областной комитет КПСС // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 33. Д. 280.

6. Волгоградский (Сталинградский) областной комитет КПСС // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 42. Д. 104.
7. Главное управление мест заключения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 565.
8. Главное управление мест заключения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 493.
9. Главное управление мест заключения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 3. Д. 54.
10. Главное управление мест заключения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 168.
11. Главное управление мест заключения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 550.
12. Глухова Е. М. Вольнонаемные и заключенные на строительстве Сталинградской ГЭС (1950–1953). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. 162 с.
13. Государственная плановая комиссия (Госплан) // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 97. Д. 642.
14. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. 320 с.
15. Захарченко А. В. Проблема стимулирования трудовой деятельности в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД–МВД в 1930–1950-е годы // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 2. История и филология. С. 163–171.
16. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социс. 1991. № 6. С. 10–27.
17. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
18. Куйбышевский областной комитет ВКП(б)–КПСС // Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 81. Д. 51а.
19. Куйбышевский областной комитет ВКП(б)–КПСС // Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 80. Д. 66.
20. Кокурин А., Морук Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 7. С. 107–121.
21. Министерство внутренних дел СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1120.
22. Министерство внутренних дел СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 1005.
23. Министерство внутренних дел СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 823.
24. Оперативная группа Куйбышевгидростроя МВД СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8359. Оп. 1. Д. 1.
25. Оперативная группа Куйбышевгидростроя МВД СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8359. Оп. 1 Д. 2.
26. Оперативная группа Куйбышевгидростроя МВД СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8359. Оп. 1. Д. 7.
27. Политотдел ИТЛ и строительства Волго-Донского канала // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9153. Оп. 1. Д. 56.
28. Политотдел ИТЛ и строительства Волго-Донского канала // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9153. Оп. 1. Д. 5.
29. Политотдел ИТЛ и строительства Волго-Донского канала // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9153. Оп. 1. Д. 7.
30. Политотдел ИТЛ и строительства Куйбышевской ГЭС // Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 6567. Оп. 1. Д. 1.
31. Политотдел ИТЛ и строительства Куйбышевской ГЭС // Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 6567. Оп. 1. Д. 34.
32. Политотдел ИТЛ и строительства Сталинградской ГЭС // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9442. Оп. 1. Д. 4.
33. Политотдел ИТЛ и строительства Сталинградской ГЭС // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9442. Оп. 1. Д. 93.
34. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 13.
35. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 1. Д. 20.
36. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 229.
37. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 1. Д. 6.
38. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 336.
39. Строительно-монтажный трест по Волго-Донскому речному бассейну «Волгодонгидрострой» Главного управления по строительству // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 207.
40. Строительно-монтажный трест по Волго-Донскому речному бассейну «Волгодонгидрострой» Главного управления по строительству // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6018. Оп. 7. Д. 1.
41. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 1. Д. 20.
42. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 9. Д. 336.
43. Производственное строительно-монтажное объединение «Волгоградгидрострой» Министерства строительства в южных районах СССР // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 2. Д. 28.

44. Пянкевич В. Л. Невольники в возрождении советской экономики (историография принудительного труда граждан СССР 40-х – начала 50-х годов) // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных работ. № 20. Саратов, 2002. С. 74–91.
45. Свечникова Е. Ю. Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948–1953 гг. Волгодонск: Росиздат, 2009. 218 с.
46. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Составитель М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 597 с.
47. Смирнов Н. Н. Тайны Волгодонстроя (1948–1952): Исторический очерк. Волжский: Старая башня, 2002. 519 с.
48. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Ред. А. Н. Яковлев, сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Морук. М.: Материк; Международный фонд «Демократия», 2005. 568 с.
49. Строительно-монтажный трест по Волго-Донскому речному бассейну «Волгодонгидрострой» Главного управления по строительству // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 133.
50. Строительно-монтажный трест по Волго-Донскому речному бассейну «Волгодонгидрострой» Главного управления по строительству // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 84.
51. Строительно-монтажный трест по Волго-Донскому речному бассейну «Волгодонгидрострой» Главного управления по строительству // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6018. Оп. 3. Д. 2.
52. Тимохова Е. А. Трудовое использование заключенных в СССР (на примере строительства Куйбышевской ГЭС) // Вектор науки ТГУ. 2009. № 6(9). С. 52–57.
53. Управление делами Совета Народных Комиссаров СССР – Совета Министров СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 3941.
54. Управление делами Совета Народных Комиссаров СССР – Совета Министров СССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 51а. Д. 3759.
55. Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX века: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5 (123). М.: Наука, 2002. С. 58–59.
56. Gestwa K. Auf Wasser und Blut gebaut Der hydrotechnische Archipel Gulag, 1931–1958 // Osteuropa. 57. Jg. 6/2007. S. 239–267.
57. Gestwa K. Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus Sowjetische Technik und Umweltgeschichte 1948–1967. Munich: Oldenbourg, 2010. 660 S.

References (transliterated):

1. Burdin E. A. Kuneevskii ITL: problemy ispol'zovaniya prinuditel'nogo truda na stroitel'stve Kuibyshevskogo gidrouzla. 1949–1958 gg. // Vestnik arkhivista. 2011. № 4. S. 167–181.
2. Borodkin L. I. «Ser'eznyi stimul dlya raboty»: trud v poslevoennom GULAGe // Rossiya v kontekste mirovogo ekonomicheskogo razvitiya vo vtoroi polovine XX veka: Sb. trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 24–25 noyabrya 2004 g. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2006. S. 235–337.
3. Borodkin L. I. «Vertikal'» upravleniya GULAGom: problema «printsipal-agent» // Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyi trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 28–29 oktyabrya 2011 g. M.: ROSSPEN, 2013. S. 19–36.
4. Borodkin L. I., Ertz S. Struktura i stimulirovanie prinuditel'nogo truda v GULAGe: Noril'lag, konets 30-kh – nachalo 50-kh gg. // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2003. M.: ROSSPEN, 2004. S. 177–233.
5. Volgogradskii (Stalingradskii) oblastnoi komitet KPSS // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 113. Op. 33. D. 280.
6. Volgogradskii (Stalingradskii) oblastnoi komitet KPSS // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 113. Op. 42. D. 104.
7. Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9414. Op. 1. D. 565.
8. Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9414. Op. 1. D. 493.
9. Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9414. Op. 3. D. 54.
10. Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9414. Op. 1. D. 168.
11. Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9414. Op. 1. D. 550.
12. Glukhova E. M. Vol'nonaemnye i zaklyuchennyye na stroitel'stve Stalingradskoi GES (1950–1953). Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2008. 162 s.
13. Gosudarstvennaya planovaya komissiya (Gosplan) // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 4372. Op. 97. D. 642.
14. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. M.: ROSSPEN, 2005. 320 s.
15. Zakharchenko A. V. Problema stimulirovaniya trudovoi deyatel'nosti v sisteme ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii NKVD–MVD v 1930–1950-e gody // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2009. Vyp. 2. Istoriya i filologiya. S. 163–171.
16. Zemskov V. N. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt) // Sotsis. 1991. № 6. S. 10–27.
17. Ivanova G. M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty. M.: Nauka, 2006. 438 s.
18. Kuibyshevskii oblastnoi komitet VKP(b)–KPSS // Samarskii oblastnoi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI). F. 656. Op. 81. D. 51a.
19. Kuibyshevskii oblastnoi komitet VKP(b)–KPSS // Samarskii oblastnoi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI). F. 656. Op. 80. D. 66.
20. Kokurin A., Morukov Yu. GULAG: struktura i kadry // Svobodnaya mysl'. 2001. № 7. S. 107–121.
21. Ministerstvo vnutrennikh del SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9401. Op. 4. D. 1120.
22. Ministerstvo vnutrennikh del SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9401. Op. 4. D. 1005.

23. Ministerstvo vnutrennikh del SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-9401. Op. 4. D. 823.
24. Operativnaya gruppa Kuibyshevgidrostroya MVD SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-8359. Op. 1. D. 1.
25. Operativnaya gruppa Kuibyshevgidrostroya MVD SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-8359. Op. 1. D. 2.
26. Operativnaya gruppa Kuibyshevgidrostroya MVD SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-8359. Op. 1. D. 7.
27. Politotdel ITL i stroitel'stva Volgo-Donskogo kanala // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 9153. Op. 1. D. 56.
28. Politotdel ITL i stroitel'stva Volgo-Donskogo kanala // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 9153. Op. 1. D. 5.
29. Politotdel ITL i stroitel'stva Volgo-Donskogo kanala // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 9153. Op. 1. D. 7.
30. Politotdel ITL i stroitel'stva Kuibyshevskoi GES // Samarskii oblastnoi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI). F. 6567. Op. 1. D. 1.
31. Politotdel ITL i stroitel'stva Kuibyshevskoi GES // Samarskii oblastnoi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (SOGASPI). F. 6567. Op. 1. D. 34.
32. Politotdel ITL i stroitel'stva Stalingradskoi GES // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 9442. Op. 1. D. 4.
33. Politotdel ITL i stroitel'stva Stalingradskoi GES // Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (TsDNIVO). F. 9442. Op. 1. D. 93.
34. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 9. D. 13.
35. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 1. D. 20.
36. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 9. D. 229.
37. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 1. D. 6.
38. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 9. D. 336.
39. Stroitel'no-montazhnyi trest po Volgo-Donskomu rechnomu basseinu «Volgodongidrostroi» Glavnogo upravleniya po stroitel'stvu // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6018. Op. 3. D. 207.
40. Stroitel'no-montazhnyi trest po Volgo-Donskomu rechnomu basseinu «Volgodongidrostroi» Glavnogo upravleniya po stroitel'stvu // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6018. Op. 7. D. 1.
41. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 1. D. 20.
42. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 9. D. 336.
43. Proizvodstvennoe stroitel'no-montazhnoe ob'edinenie «Volgogradgidrostroi» Ministerstva stroitel'stva v yuzhnykh raionakh SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6497. Op. 2. D. 28.
44. Pyankevich V. L. Nevol'niki v vozrozhdenii sovetskoi ekonomiki (istoriografiya prinuditel'nogo truda grazhdan SSSR 40-kh – nachala 50-kh godov) // Istoriograficheskii sbornik: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot. № 20. Saratov, 2002. S. 74–91.
45. Svechnikova E. Yu. Spetskontingent velikoi stroiki: zaklyuchennyye sovetskikh lagerei na stroitel'stve gidrotekhnicheskikh sooruzhenii Volgodonstroya. 1948–1953 gg. Volgodsok: Rosizdat, 2009. 218 s.
46. Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR, 1923–1960: Spravochnik / Sostavitel' M. B. Smirnov. M.: Zven'ya, 1998. 597 s.
47. Smirnov N. N. Tainy Volgodonstroya (1948–1952): Istoricheskie ocherk. Volzhskii: Staraya bashnya, 2002. 519 s.
48. Stalinskie stroiki GULAGA. 1930–1953 / Red. A. N. Yakovlev, sost. A. I. Kokurin, Yu. N. Morukov. M.: Materik; Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2005. 568 s.
49. Stroitel'no-montazhnyi trest po Volgo-Donskomu rechnomu basseinu «Volgodongidrostroi» Glavnogo upravleniya po stroitel'stvu // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6018. Op. 3. D. 133.
50. Stroitel'no-montazhnyi trest po Volgo-Donskomu rechnomu basseinu «Volgodongidrostroi» Glavnogo upravleniya po stroitel'stvu // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6018. Op. 3. D. 84.
51. Stroitel'no-montazhnyi trest po Volgo-Donskomu rechnomu basseinu «Volgodongidrostroi» Glavnogo upravleniya po stroitel'stvu // Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). F. R-6018. Op. 3. D. 2.
52. Timokhova E. A. Trudovoe ispol'zovanie zaklyuchennykh v SSSR (na primere stroitel'stva Kuibyshevskoi GES) // Vektor nauki TGU. 2009. № 6(9). S. 52–57.
53. Upravlenie delami Soveta Narodnykh Komissarov SSSR – Soveta Ministrov SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-5446. Op. 50a. D. 3941.
54. Upravlenie delami Soveta Narodnykh Komissarov SSSR – Soveta Ministrov SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-5446. Op. 51a. D. 3759.
55. Khlevnyuk O. V. Ekonomika OGPU–NKVD–MVD SSSR v 30–50-e gody KhKh veka: problemy i istochniki // Istoricheskie zapiski. Vyp. 5 (123). M.: Nauka, 2002. S. 58–59.
56. Gestwa K. Auf Wasser und Blut gebaut Der hydrotechnische Archipel Gulag, 1931–1958 // Osteuropa. 57. Jg. 6/2007. S. 239–267.
57. Gestwa K. Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus Sowjetische Technik und Umweltgeschichte 1948–1967. Munich: Oldenbourg, 2010. 660 S.